

ПОЛИТИКА ВЕНГРИИ В ТРАНСИЛЬВАНСКОМ ВОПРОСЕ ЛЕТОМ 1940 Г. В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКОЙ ИЮНЬСКОЙ ВОЕННОЙ АКЦИИ В ОТНОШЕНИИ БЕССАРАБИИ

А. С. Стыкалин

Стыкалин, О. С. Політика Угорщини в трансильванському питанні влітку 1940 р. в контексті радянської червеної військової акції щодо Бессарабії

Незважаючи на численну наукову літературу, присвячену анексії Радянським Союзом Бессарабії у червні 1940 р., дослідниками приділялася незначна увага як політиці Угорщини в умовах здійснення сталінських планів щодо Бессарабії, так і взаємозв'язку між бессарабською акцією СРСР й Другим віденським арбітражем 30 серпня 1940 р., коли волею керівників нацистської Німеччини та фашистської Італії Північну Трансильванію було передано під угорську юрисдикцію. Натомість в жодній європейській країні правляча еліта не сприйняла з таким ентузіазмом перехід Червоної Армії через Дністер, як у Будапешті, де збиралися продовжити справу розчленування румунської держави, започатковану Сталіним в умовах світової війни. Заслугує на увагу й питання про те, яким чином анексія Бессарабії прискорила плани Німеччини по тимчасовому вирішенню трансильванського питання в інтересах зміцнення позицій Третього Рейху в Дунайсько-Карпатському регіоні й протидії СРСР на балканському напрямку. Головним джерелом при реконструкції подій літа 1940 р. слугують матеріали архівів радянського дипломатичного відомства, зокрема повідомлення радянської місії в Будапешті.

Ключові слова: Друга світова війна, Угорщина, Румунія, Трансильванія, Бессарабія, нацистська Німеччина, радянська зовнішня політика.

Стыкалин, А. С. Политика Венгрии в трансильванском вопросе летом 1940 г. в контексте советской июньской военной акции в отношении Бессарабии

При всем обилии научной литературы, посвященной аннексии Советским Союзом Бессарабии в июне 1940 г., исследователями уделялось мало внимания как политике Венгрии в условиях осуществления сталинских планов в отношении Бессарабии, так и взаимосвязи между бессарабской акцией СССР и Вторым Венским арбитражем 30 августа 1940 г., когда волею лидеров нацистской Германии и фашистской Италии Северная Трансильвания была передана под венгерскую юрисдикцию. А между тем, ни в одной из европейских столиц правящая элита не восприняла с таким энтузиазмом переход Красной Армии через Днестр, как в Будапеште, где намеревались продолжить дело расчленения румынского государства, начатое Сталиным в условиях идущей мировой войны. Заслуживает внимания и вопрос о том, в какой мере аннексия Бессарабии ускорила планы Германии по временному решению трансильванского вопроса в интересах укрепления позиций Третьего рейха в Дунайско-Карпатском регионе и противодействия СССР на балканском направлении. В качестве главного источника при реконструкции событий лета 1940 г. выступают материалы архивов советского дипломатического ведомства, в том числе донесения советской миссии в Будапеште.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Венгрия, Румыния, Трансильвания, Бессарабия, нацистская Германия, советская внешняя политика.

Stikalin, A. S. The Hungarian Policy on the Transylvanian question in the context of the Soviet military action in Bassarabia (summer 1940)

The annexation of Bassarabia by the USSR in June 1940 was the subject of many historical papers but the researchers paid insufficient attention both to the reaction of Hungary to the Soviet action and the connection between the annexation of Bassarabia and the Second Vienna Arbitration of August 30, 1940. The paper is based on the documents from Russian Archives, first of all on the documents of the Soviet Foreign Ministry.

The author came to conclusion that there was hardly another political force in the world which received the crossing of the Red Army of the river Nistru with such enthusiasm as the Hungarian political elite, right-wing and resolutely anticommunist. It considered the Soviet action to be the first step in the process of disintegration of Romania which created more favorable conditions for the realization of the Hungarian plans to annex Transylvania. June-July 1940 was the peak of harmony in the relations between Moscow and Budapest, especially as the Hungarian irredentist plans were supported in Moscow to more extent than in any other capital in Europe.

As concerns Hitlerist Germany, the Soviet action in Bassarabia was received in Berlin as some kind of challenge to Germany's hegemony in the Eastern-Central Europe which caused as a response the preparation of the arbitration in Vienna which changed the spheres of influence in the region in the interests of Berlin.

Keywords: World War II, Hungary, Romania, Transylvania, Bassarabia, Nazi Germany, the Soviet Foreign Policy.

Правоавторитарный режим Хорти, который установился на руинах венгерской коммунистической диктатуры, так называемой Венгерской Советской республики, после ее падения в начале августа 1919 г., с крайней непримиримостью относился к коммунистическому эксперименту в России и к большевизму, особенно к его внешней экспансии, тем более, что в 1920 г., вследствие поражения Австро-Венгрии в Первой мировой войне и ее распада Венгрия **должна была подписать Трианонский мирный договор 1920 г.,** воспринятый не только правой политической элитой, но и более широким общественным мнением в стране как большое национальное унижение. Главная внутривластная ответственность за Трианон была возложена на левых, причем не только на коммунистов, но и на леволиберальную традицию, леволиберальное крыло в венгерской общественной жизни и общественной мысли, которое на протяжении десятилетий, с точки зрения правых, упорно подрывало венгерскую государственную традицию – коммунистическая диктатура 1919 г. воспринималась лишь как последнее звено в цепи событий, приведших к краху венгерской исторической государственности в границах средневекового королевства «святого Стефана (Иштвана)». «Для человечества нет спокойствия, безопасности и счастья, пока не уничтожим Советов», – писал регент Венгрии адмирал Миклош Хорти Гитлеру уже в условиях Второй мировой войны¹.

Тем не менее существовала объективная основа для сближения между большевистским режимом в СССР и хортистским режимом в Венгрии. Во-первых, ни тот, ни другой режим не принял Версальской системы международных отношений и – в более узком плане – новой системы границ, установившейся по итогам Первой мировой войны в Центральной и Юго-Восточной Европе. Вся внешняя политика хортизма была направлена, как известно, на пересмотр решений Трианонского договора; в среде венгерской элиты существовали расхождения лишь в оценке методов, ведущих к достижению поставленной цели. Во-вторых (и это не менее важно), и СССР, и Венгрия имели серьезные территориальные претензии к соседней Румынии, что уже само по себе создавало почву для заключения партнерских соглашений. Наконец, обе страны были изгоями на международной арене, перед ними стояла проблема выхода из внешнеполитической изоляции, способствовавшая сближению Советской России не только с Венгрией, но и с Германией (договор в Рапалло, 1922).

Внешнеполитическая изоляция ударила и по венгерскому бизнесу. Как установлено в последние годы в работах известных венгерских историков А. Шереша и А. Колонтари², венгерские предприниматели не только проявляли определенный интерес к налаживанию экономических связей с Россией. Более того, экономический фактор, интересы бизнеса, оказывавшего давление на власть, сыграли важную роль при попытках установления дипломатических связей между двумя странами в 1924 г. В сентябре этого года в Берлине было подписано соответствующее соглашение, но оно не было ратифицировано венгерским парламентом, этому воспрепятствовал сам регент Хорти. Как известно, в частности из исследований А. Колонтари, 2 октября, в самый разгар парламентских прений, он принял полковника царской и генерала Белой армии Алексея фон Лампе, представителя барона Петра Врангеля, военного вождя белогвардейской эмиграции. Беседа между ними длилась 40 минут. Увещевания белогвардейского эмиссара, напомнившего регенту о сохранявшейся большевистской угрозе, не оказались напрасными³. Дипломатические отношения между СССР и Венгрией были установлены лишь в 1934 г.⁴ Со стороны СССР установление дипломатических отношений с Венгрией не имело выраженного антирумынского характера, ведь оно пришлось на время максимальной нормализации советско-румынских отношений – министр иностранных дел Румынии Н. Титулеску поддерживал достаточно тесные связи со своим советским коллегой М. Литвиновым и был до некоторой степени увлечен идеей коллективной безопасности при участии Москвы. Вместе с тем сам факт установления Советским Союзом дипломатических отношений с Венгрией явился в определенной мере инструментом давления на Румынию в целях принятия ее правительством советской внешнеполитической концепции коллективной безопасности⁵.

С середины 1930-х гг., по мере активизации связей Венгрии с нацистской Германией все более проблематичными становились возможности сотрудничества между Москвой и Будапештом на основе отклонения парижской системы мирных договоров и стремления изменить послевоенный status quo⁶. В феврале 1939 г. советская сторона порывает с Венгрией дипломатические отношения в связи с присоединением ее к Антикоминтерновскому пак-

ту, однако вскоре после заключения советско-германского договора 23 августа 1939 г., с изменением вектора советской внешней политики, они были восстановлены.

Пересмотр границ в средневропейском регионе начался, как известно, еще до начала Второй мировой войны (аншлюс Австрии, расчленение Чехословакии). С началом же войны открываются перспективы более радикального изменения границ в Средней Европе; в этих условиях венгерская политическая элита все более осознавала общность устремлений СССР и Венгрии, направленных на приобретение определенной части румынской территории. В начале 1940 г. новый полпред СССР в Венгрии Н. И. Шаронов писал в Москву о том, что в политических кругах Будапешта, а также среди иностранных дипломатов, работавших в Венгрии, высказывались предположения о продвижении СССР в обозримом будущем на балканском направлении; первой же страной, стоявшей на пути ожидаемой советской экспансии, будет, естественно, в силу своего географического положения, Румыния⁷. В предвкушении столь желательного для хортистской Венгрии развития событий ее министр иностранных дел граф И. Чаки, беседуя с журналистами, депутатами парламента, иностранными дипломатами (не в последнюю очередь, румынскими), с удовлетворением констатировал **«нормальный» характер советско-венгерских отношений**, отсутствие серьезных разногласий и взаимных претензий. Тогда же, в январе 1940 г., встречаясь в Венеции с министром иностранных дел Италии, зятем Муссолини Г. Чиано, он, по некоторым данным, признался итальянскому коллеге: **«Мы спокойны за нашу карпатскую границу, никаких разногласий с Советами не имеем вообще и угрожаемыми себя с этой стороны не чувствуем»⁸**. И это несмотря на то, что советско-финская зимняя война 1939–1940 гг. дала новый повод говорить о советской военной угрозе для соседних стран. Ориентации на сближение (конечно, до известных пределов⁹) с СССР в целом не препятствовало и осознание венгерскими лидерами непрочности советско-германского союза, возникшего вследствие определенного (временного) соотношения сил на международной арене и не имевшего долгосрочной перспективы.

Заботы хортистских властей о поддержке своих ревизионистских требований Советским Союзом, как одной из больших держав, были делом тем более насущным, что позиция Будапешта находила мало понимания не только в Лондоне и Париже (столицах стран-устроителей Версальской системы), но также в Берлине и Риме. Правительство графа П. Телеки хорошо осознавало, что ирредентистские планы Венгрии не могут быть реализованы без согласия держав так называемой «оси» и в первую очередь Германии, после аншлюса Австрии и краха Чехословакии все более явно доминировавшей в Средней Европе. Между тем, накануне войны в Берлине поддерживали эти планы Венгрии прежде всего в той мере, в какой они были направлены против непримиримо враждебной «Третьему рейху» Чехословакии. С решением общей задачи (распадом чехословацкого государства) Гитлер и его окружение уже все менее сочувствовали венгерскому ревизионизму, поскольку резонно полагали, что чрезмерное усиление Венгрии будет способствовать проведению ее правительством слишком независимого внешнеполитического курса (такое представление поддерживал и совсем недавний исторический опыт – попытки, пускай и тщетные, официального Будапешта во второй половине 1930-х годов через установление тесных связей с Италией, Австрией, Польшей и Югославией создать некоторый противовес германской доминации в регионе). Сказывалась также заинтересованность **«Третьего рейха» в некоторых из стран, на которые распространялись венгерские территориальные амбиции** – в частности, в Румынии и в «независимой» Словакии, фактически представлявшей собой германский протекторат. Открытая поддержка (тем более в полном объеме) венгерских ревизионистских требований сильно затруднила бы для Германии возможность вовлечения Румынии в сферу своего влияния, тогда как с точки зрения осуществления германских военно-стратегических планов в отношении СССР и на Балканах Румыния была для Берлина не менее, а даже более важной страной, чем Венгрия. Нельзя недооценивать и значимости Румынии для Германии в качестве поставщика нефти.

Нацистская и хортистская элиты были недовольны друг другом. Даже наиболее лояльная Германии часть хортистской политической элиты совсем не собиралась жертвовать в угоду фюреру интересами восстановления Великой Венгрии в ее дотрианонских границах. При том, что обе страны требовали кардинального пересмотра Версальской системы, и это составляло основу для сближения, попытки подчинить венгерский ревизионизм дипломатическим играм гитлеровской Германии оказывались поначалу неудачными,

поскольку о совпадении интересов речи быть не могло¹⁰. Почти столь же сдержанную позицию занимал в отношении венгерского ирредентизма официальный Рим¹¹. Г. Чиано, встречаясь с И. Чаки в январе 1940 г., по некоторым сведениям, советовал венграм отложить выполнение своих территориальных требований до окончания войны на западном фронте, т.е. до поражения Франции и Англии¹². В принципе Италия выражала готовность поддержать венгерские территориальные претензии к Румынии лишь при мало выполнимом условии, чтобы в результате будущих «поправок несправедливостей Трианона» численность национальных меньшинств во вновь присоединенных к Венгрии районах не превысила бы 30%¹³. Причем позиция Германии и Италии в трансильванском вопросе была, по просочившимся сведениям, согласованной – в ходе встречи лидеров двух стран в Бреннере (на границе Австрии и Италии) в начале весны 1940 г. было принято негласное решение не потакать «чрезмерным» венгерским амбициям¹⁴. Весьма проблематичны были для Венгрии поиски надежных союзников и среди менее значимых участников «европейского концерта» (таких, как, например, Югославия или Турция). «С венграми... трудно иметь дело: они одержимы мегаломанией и не могут понять, что все державы на Балканах не хотят видеть старую Венгрию... Ревизионизм и мегаломания оставят их без всяких союзников», – говорил в феврале 1940 г. советскому полпреду Н. Шаронову югославский посланник в Будапеште Рашич¹⁵.

Таким образом, ревизионистские планы Венгрии фактически нигде не находили сколько-нибудь полной поддержки, тем более важным для Будапешта было добиться благосклонной позиции СССР. В свою очередь румынская сторона после краха Чехословакии, Польши и начала большой войны за передел европейских границ вполне ожидала оживления великомадьярского ревизионизма и эскалации территориальных притязаний Будапешта¹⁶. Это заставляло ее принимать меры безопасности, укрепляя, в частности, западные границы Румынии. Принятию румынскими властями надлежащих мер предосторожности среди прочего способствовали прозвучавшие в феврале 1940 г. чересчур вызывающие публичные заявления некоторых официальных лиц в Будапеште о том, что Венгрия «не потерпит отсрочки разрешения Трансильванского вопроса до греческих календ»¹⁷. Позиция официального Будапешта особенно ужесточилась вследствие активизации в начале 1940 г. так называемой «Балканской Антанты», включавшей в себя Румынию, Югославию, Грецию и Турцию – страны, заинтересованные в сохранении статус-кво в регионе. Чтобы склонить в свою пользу мнение крупных держав, в венгерском МИДе давали заверения иностранным дипломатам о существующих якобы планах предоставления Трансильвании автономии в составе Венгрии. Боясь, однако, связать себя чересчур далеко идущими обещаниями, представители соответствующих венгерских правительственных структур делали в то же время и существенные оговорки. В прозвучавшей в некоторых заявлениях мысли о том, что установление особого статуса нацменьшинств в будущей венгерской Трансильвании не способно снять остроту существующей проблемы, легко прочитывался заблаговременный отказ в предоставлении румынам такого статуса.

Отрицательное отношение держав «оси» к максималистским планам восстановления Великой Венгрии не могло не вызывать в Будапеште плохо скрываемого раздражения. 13 февраля, еще до бреннерской встречи, Чаки говорил Шаронову: «Мы от своего не откажемся никогда и если победят в войне союзники и мы останемся в теперешних границах, мы зажжем пожар во всей Европе»¹⁸. Правда, в тот же день венгерский министр иностранных дел заверял советского полпреда в том, что для Венгрии все же предпочтительен мирный путь решения трансильванской проблемы: «Мы не хотим войны и удерживаемся от всего, что могло бы дать румынам возможность ее спровоцировать»¹⁹. Речь шла о шумной пропагандистской кампании, развязанной в Румынии в связи с эскалацией венгерских территориальных притязаний, о мерах Бухареста по дальнейшему укреплению своих западных границ.

С начала июня 1940 г., по мере того, как все очевиднее становился успех Германии на западном фронте, полпредство СССР в Венгрии фиксирует широко распространившиеся в Будапеште слухи о планах СССР по захвату Бессарабии в самом ближайшем будущем. Такая перспектива казалась весьма заманчивой верхушке хортистской армии: один из генералов на приеме в полпредстве 19 июня прямо заявил советскому дипломату, что венгры только и ждут занятия Советским Союзом Бессарабии, чтобы самим войти в Трансильванию²⁰. Столь откровенным заявлениям военных не противоречили высказы-

вания в венгерских внешнеполитических кругах. Так, зав. отделом печати МИД Венгрии А. Уллейн-Ревички 24 июня на завтрак с германскими журналистами говорил, что Венгрия больше ждать не может и должна начать маршировать²¹. В июне все интенсивнее становятся военные приготовления Венгрии на восточной границе, продолжается широкая мобилизация: численность армии 10-миллионной страны к середине июля была доведена до 1,2 млн. человек²². Сосредоточение по обеим сторонам границы большого количества войск и боевой техники увеличивало вероятность вооруженного столкновения, тем более, что предельное обострение двусторонних отношений не могло не сопровождаться пограничными инцидентами²³. Из беседы с крайне правым депутатом Ф. Райнишем полпред Н. Шаронов узнал о том, что венгерские генералы отнюдь не ограничивались воинственной риторикой; генштаб даже разработал конкретный план ввода войск в Румынию в расчете на то, что она отклонит советский ультиматум, и Венгрия сможет выступить сразу же после начала боевых действий в Бессарабии²⁴.

В сложившейся в июне 1940 г. в связи с событиями вокруг Бессарабии обстановке официальный Будапешт все более последовательно демонстрирует свое стремление к сближению с СССР, что проявилось среди прочего в двухкратном посещении (в течение месяца) графом Чаки советского полпредства, что было жестом беспрецедентным, не имевшим аналогов даже в его отношениях с германской миссией. Подобная демонстрация близости с Советами даже породила среди иностранных дипломатов отмеченные в рабочем дневнике Шаронова слухи о том, что вопрос о совместной акции СССР и Венгрии в отношении Румынии уже согласован²⁵. Правда, развернувшиеся со второй половины июня события в Прибалтике, завершившиеся в конце концов советской оккупацией трех прибалтийских государств и их «добровольным» вхождением в состав СССР, опровергали такие слухи. Эти события сильно оживили в Венгрии комплекс советской военной угрозы, что проявилось и в высказываниях официальных лиц, не скрывавших своих опасений в связи с дальнейшими действиями СССР в Дунайско-Карпатском регионе после аннексии Бессарабии. Так, тот же граф Чаки в конце июня делился с югославским посланником своими мрачными предчувствиями того, что СССР «хотя и неизвестно когда, но произведет нападение на Венгрию»²⁶. А зав. отделом печати МИД говорил 24 июня немецкому журналисту: «СССР сейчас расправляется с прибалтийскими государствами, а следующим его шагом после установления там советской власти будет, наверное, Венгрия»²⁷. Впрочем, в кругу иностранных дипломатов, находившихся в Будапеште, не слишком были склонны разделять (даже в свете прибалтийских событий) опасений относительно судеб Венгрии. Там резонно полагали, что последующая экспансия СССР пойдет в балканском, а не в среднеевропейском направлении²⁸.

Нота с требованием «в интересах восстановления справедливости» приступить «к немедленному решению вопроса о возвращении Бессарабии Советскому Союзу» была направлена румынскому правительству, как известно, 26 июня, через 4 дня после капитуляции Франции, на протяжении долгих лет (вплоть до аншлюса Австрии и краха Чехословакии) выступавшей главным гарантом Версальской системы, одним из важных установлений которой являлась целостность Румынии в ее границах 1920 г. Берлин и Рим посоветовали Бухаресту уступить, дав понять, что речь идет об «уступках временного порядка»²⁹. 28 июня Красная Армия перешла Днестр.

Уже само известие об ультиматуме вызвало нескрываемое воодушевление в венгерских политических кругах. «Население города взволновано. Отношение к нам хорошее», – записал в своем рабочем дневнике полпред Н. И. Шаронов вечером 27 июня³⁰. В определенных кругах имелись ожидания, что Венгрия выступит с аналогичным ультиматумом по поводу Трансильвании, но очевидно было также, что сделать это, не заручившись предварительно согласием Германии, было невысказано.

В передовицах венгерских проправительственных газет от 28 июня выражалось удовлетворение тем, что «целостности Румынии больше не существует», при этом советские требования назывались вполне справедливыми. Правда, среди венгерского генералитета (предвкушавшего для своей армии победоносную кампанию в союзе с Красной Армией) и крайне правых политиков в эти дни наблюдалось и некоторое разочарование тем, что бессарабский вопрос был решен мирным путем и не возникло повода для вступления в Румынию венгерских войск. 28 июня, после получения информации о принятии Румынией советского ультиматума, полпред Шаронов завтракал с депутатом парламента

Ф. Райнишем. Тот говорил ему: хотя «венгерская общественность» очень довольна, что СССР начал разрушать здание «великой Румынии», к тому же дело обошлось без войны, «но венгры предпочитали бы видеть войну СССР с Румынией, чтобы самим тоже броситься на Румынию, которая в случае двухсторонней войны будет сразу раздавлена, а одной Венгрии будет трудно [это сделать]»³¹.

Как бы то ни было, зам. министра иностранных дел Венгрии Я. Вёрнле поздравил Шаронова с успешным осуществлением бессарабской акции. При этом он заметил, что они, т.е. венгры, «этому рады больше, чем какое-либо другое государство», так как для них это означает ликвидацию принципа целостности Румынии и «более легкую возможность продолжить то», что начал СССР³². Созданный Советским Союзом прецедент существенно облегчал, таким образом, решение самой насущной внешнеполитической задачи, поставленной перед собой хортгистским правительством. В июне 1940 г. для Венгрии обозначилась весьма заманчивая перспектива, воспользовавшись прецедентом, приступить к осуществлению собственных ирредентистских планов.

Венгерский посланник в Москве И. Криштоффи был в свою очередь 29 июня принят заместителем наркома иностранных дел СССР В. Г. Деканозовым и также выразил удовлетворение успешно проведенной операцией. Напомнив своему собеседнику о том, что у Венгрии имеются свои территориальные претензии к Румынии, венгерский дипломат увидел различие в положении двух стран только в том, что Советский Союз уже разрешил стоящую перед ним задачу, а Венгрия пока еще нет³³. Таким образом, соображения реальной политики и осознание объективной общности интересов двух стран заставили хортгистскую политическую элиту на время забыть о своем непримиримом отношении к большевизму.

Наркоминдел СССР со своей стороны не охлаждал стремления хортгистов к сближению, очевидно просчитывая возможности упрочения советских позиций в этой стране в интересах некоторого, пускай довольно вялого, **противодействия нежелательной германской экспансии** через Дунайский регион в направлении Балкан. Еще до событий, развернувшихся вокруг Бессарабии, нарком В. М. Молотов заявил итальянскому послу о том, что «советское правительство считает свои отношения с Венгрией нормальными: СССР не имеет никаких претензий по отношению к Венгрии»³⁴. 3 июля Молотов принял венгерского посланника Криштоффи. В ходе беседы он отметил, что с точки зрения советского правительства претензии Венгрии к Румынии имеют под собой основания; такой же позиции представители СССР будут придерживаться в случае созыва международной конференции, на которой будет стоять вопрос о территориальных требованиях Венгрии³⁵.

Позиция Москвы вызвала в Будапеште в официальных кругах очень позитивную реакцию. Через полгода, в декабре 1940 г., полпред Н. И. Шаронов в информационно-аналитическом письме, адресованном в НКВД СССР, констатировал: «Заявление Народного Комиссара подействовало в Венгрии чрезвычайно успокоительно, и после него (даже в свете прибалтийских событий – А.С.) до конца года слухи о возможности акции СССР против Венгрии совершенно не появлялись»³⁶. Непосредственная реакция в Венгрии на заявление Молотова была тем более благоприятной. Поскольку Советский Союз оказался единственной (независимо от принадлежности к тому или иному воюющему лагерю) большой державой, поддержавшей венгерские претензии на Трансильванию, граф Чаки, выступая в середине июля в парламенте, не скупился на комплименты в адрес Москвы, при этом речь его встречалась одобрительными возгласами членов парламентской комиссии по иностранным делам³⁷. Любезности, расточаемые Советскому Союзу, носили довольно демонстративный характер, явились жестом, адресованным не только и не столько Бухаресту, который попросту хотел запугать «чудовищной» **хортгистско-советской коалицией** на антирумунской платформе, сколько Берлину – от последнего ждали серьезных подвижек в трансильванском вопросе с учетом нежелательного для держав «оси» роста популярности СССР в Венгрии. В своих попытках разыграть против Румынии советскую карту венгерские лидеры иной раз не останавливались перед явным блефом, давая, в частности, понять румынским дипломатам, что на повестке дня стоит якобы вопрос о заключении союза с СССР, способного обеспечить главенствующее положение Венгрии в Дунайском бассейне³⁸. Впрочем, заявленная Молотовым советская позиция хотя и вызвала удовлетворение в Будапеште, отнюдь не казалась бескорыстной. В действиях СССР виделись далеко идущие стратегические цели. Полпред Шаронов в начале августа фиксировал в своем рабочем дневнике звучавшие в политических и дипломатических кругах

высказывания о том, что, наладив хорошие отношения с Венгрией, СССР сознательно и целенаправленно толкает ее против Румынии с тем, чтобы, воспользовавшись войной, не ограничиться Бессарабией и Северной Буковиной, заполучить от Румынии и некоторые другие территории³⁹. Причем такая тактика в отношении Венгрии рассматривалась как частный случай более широкой стратегии – подтолкнуть Германию и ее союзников против Англии с тем, чтобы после ослабления обеих воюющих сторон занять доминирующее положение в Европе, что уже совсем не отвечало интересам режима Хорти.

Блеф венгерской стороны проявлялся и в демонстрации мускул перед Румынией уже после того, как Советский Союз исполнил свою «освободительную миссию». Силовой способ разрешения трансильванской проблемы по-прежнему не исключался, прорабатывались планы перехода венгерскими войсками границы в случае серьезных волнений в Румынии, особенно на этнической основе. Заместитель министра иностранных дел Вёрнле говорил советскому полпреду 5 июля о том, что по полученным венгерским правительством сведениям, «румыны вооружают румынское население в смешанных районах, и если хоть один венгр будет там убит, мы немедленно начнем войну»⁴⁰. Все это отдавало не совсем адекватной оценкой собственных сил и едва ли могло быть воспринято всерьез. Куда ближе к истине был в беседе с Шароновым, состоявшейся как раз в день ожидания румынского ответа на советский ультиматум, 27 июня, зав. отделом печати МИД Уллейн-Ревички, который на прямой вопрос советского дипломата, не думают ли венгерские лидеры начать войну с Румынией, ответил, что «Венгрия уже давно готова к войне, но ее начало зависит от разрешения Германии и Италии»⁴¹.

В Берлине и Риме, однако, занимали более чем сдержанную позицию, не желая военного конфликта между своими младшими партнерами. В середине июля Телеки и Чаки были приняты в Мюнхене Гитлером и Риббентропом, очевидно, рекомендовавшими венгерским коллегам не торопиться с разрешением трансильванского вопроса и во всяком случае избрать путь мирных переговоров⁴². Упомянувшийся Вёрнле, которому, очевидно, не слишком импонировала зависимость Будапешта от Берлина в принятии ключевых решений, пытался в беседе с полпредом объяснить отсрочку с разрешением вопроса следующим образом: Венгрия не торопится начать войну в ближайшие две-три недели, так как не хочет мешать Германии и Италии покончить с Англией, но после этого венгры начнут действовать, при самом же благоприятном стечении обстоятельств они готовы действовать, оставив без внимания предупреждение держав «оси»⁴³. Судя по беседе германского посла в Будапеште с Шароновым 27 июня (в день, когда Румыния должна была дать ответ на советский ультиматум), немцы действительно не исключали, что Венгрия захочет выступить с аналогичным ультиматумом, однако не думали, что она решится начать войну, тем более без согласования с Берлином⁴⁴. Вопреки утверждениям венгерских официальных лиц о неизбежности столкновения с Румынией, среди зарубежных дипломатов в Будапеште, встречавшихся с Шароновым, все же доминировало мнение о том, что Венгрия не пойдет на военный конфликт со своим восточным соседом, значительно превосходящим ее по численности населения⁴⁵. Фактором, несколько остужавшим воинственный пыл хортистских политиков и генералов, были опасения вмешательства в конфликт на стороне Румынии третьих стран, и в частности дружественной ей Югославии. Не удивительно, что Криштоффи 3 июля по поручению своего правительства спросил Молотова, не сможет ли советское правительство повлиять на Югославию с тем, чтобы она сохранила спокойствие в случае, если Венгрия будет вынуждена вступить в конфликт с Румынией⁴⁶. Кроме того, хортисты для пушей уверенности хотели заручиться поддержкой Болгарии, также имевшей территориальные претензии к соседней Румынии (в Южной Добрудже)⁴⁷.

Хотя аннексия Советским Союзом Бессарабии была осуществлена с ведома и согласия Германии, правящие круги «Третьего рейха» не скрывали своего раздражения в связи с попытками Москвы через участие в разделе Румынии укрепить свои позиции на балканском направлении. Особенно недовольны были в Берлине оккупацией Северной Буковины, никогда в состав Российской империи не входившей, зато входившей в состав Австро-Венгерской монархии, ее австрийской половины. Полпред СССР в Румынии А. И. Лаврентьев в информационном письме Молотову от 30 июля привел заявление одного из германских официальных лиц о том, что «с тех пор, как Австрия стала немецкой и Дунай стал немецкой рекой, Германия не допустит, чтобы СССР сделался придунайским государством»⁴⁸. В Румынии проправительственные круги (сделавшие к этому времени однознач-

ную ставку на Берлин), не теряя надежды на возвращение Бессарабии, рассчитывали на дальнейшее обострение советско-германских противоречий на Балканах и неизбежный в этом случае антисоветский поворот в политике Берлина. 30 июля один из влиятельнейших журналистов Румынии П. Шейкару писал в своей газете «Курентул»: «Не надо забывать, что границы в настоящее время беспрерывно меняются: окончательное их установление будет делом того, кто диктует новое устройство Европы». В Будапеште действия СССР в Бессарабии и Северной Буковине также рассматривались в контексте скрытого советско-германского противостояния на Балканах, знали там и о недовольстве Германии советской оккупацией этих территорий, особенно Северной Буковины. Реакция в Берлине на происходящее могла лишь послужить дополнительным аргументом в пользу распространенного среди венгерской политической элиты мнения о непрочности советско-германского пакта; в этой связи делались важные оговорки и касательно более отдаленных перспектив внешне совсем, казалось бы, безоблачных в июне–июле 1940 г. советско-венгерских отношений. Так, 1 июля, вскоре после ввода советских войск в Бессарабию, Чаки говорил югославскому посланнику Рашичу о том, что отношения СССР с Германией не так хороши, как обе стороны пытаются представить это другим; пока еще Германия вынуждена «терпеть» действия Советов на Балтике и в Румынии, но после окончания войны на Западе (т.е. победы «Третьего рейха» над Англией) германо-советские, а вслед за ними и венгеро-советские отношения претерпят большие изменения, поскольку «за хорошего соседа нас надолго считать нельзя»⁴⁹. Обнадеживающее заявление Молотова при встрече с Криштоффи 3 июля могло лишь несколько откорректировать такую позицию, но не изменить ее сути.

Принимая, таким образом, в расчет предстоящее ухудшение отношений СССР и Германии и видя уже первые симптомы такого ухудшения, чреватого принципиальным изменением расклада сил на международной арене (что означало непредсказуемость дальнейшей ситуации в регионе), венгерская политическая элита должна была форсировать решение стоявших на повестке дня задач, максимально используя имеющиеся возможности, в частности благоприятную позицию СССР в трансильванском вопросе. «Неверие кабинета министров в продолжительность хороших советско-германских отношений» заставляет венгров, наряду с другими факторами, «спешить с разрешением конфликта», – докладывал Шаронов Деканозову 17 августа⁵⁰.

Германия, однако, в условиях неразрешенного конфликта с Великобританией желала спокойствия в своем восточноевропейском тылу и поэтому никак не могла допустить венгеро-румынской войны. Более того, она стремилась пристегнуть обе противоборствующие стороны к своему внешнеполитическому курсу, сделать и Венгрию, и Румынию своими младшими партнерами в деле реализации нового порядка в Европе. Под давлением Берлина венгерские и румынские представители сели за стол переговоров, проходивших 16–24 августа в румынском городе Турну-Северине. Каждая из сторон, прекрасно понимая, что война на востоке Центральной Европы совсем не нужна Берлину, имела свои основания надеяться на то, что германское вмешательство в урегулирование трансильванского спора не ущемит ее интересов.

Между тем, в силу несовместимости позиций переговоры были обречены на провал. В конце концов венгерско-румынский территориальный спор получил временное разрешение вследствие 2-го Венского арбитража от 30 августа 1940 г. Решением арбитров (Германии и Италии) Венгрия получила, как известно, территорию Северной Трансильвании площадью 43 тыс. квадратных километров.

Венский арбитраж был подан немецкой пропагандой как результат «мудрой» германской политики, направленной на то, чтобы воспрепятствовать распространению войны на новые территории, гарантировать среди прочего целостность Румынии в ее новых границах, т.е. не дать ей повторить судьбу Польши. *Второй венский арбитраж, несомненно, явился реакцией Берлина на Бессарабскую акцию Красной Армии, Германия теперь стремилась перехватить инициативу у СССР.* При этом Венский арбитраж и особенно заявление о гарантиях целостности Румынии в ее урезанных границах стали очередной наглядной демонстрацией возросшей военно-политической мощи «Третьего рейха», диктовавшего в это время свои правила игры в Дунайско-Карпатском регионе. Вызывающее нежелание Берлина считаться (вопреки букве договора от 23 августа) с мнением Москвы даже там, где дело касалось ближайших соседей СССР, стало поводом для демарша Молотова послу Ф. Шуленбургу 31 августа, но не изменило положения дел.

Вожди «Третьего рейха» после капитуляции Франции чувствовали себя настолько уверенно, что не боялись лишней раз взять на себя миссию строителей нового порядка на континенте. Не сомневаясь в том, что в любом случае смогут удержать своих сателлитов в повиновении, они решились выступить в роли арбитров в споре, заранее зная, что не сумеют удовлетворить ни одну из сторон.

Венским арбитражем Германия теснее привязала к себе и Венгрию, и Румынию, хотя не удовлетворила первую из них, и сильно разочаровала другую. Венгрия связывала отныне с «Третьим рейхом» надежды на дальнейший пересмотр Трианонского договора, а Румыния – надежды если не на возвращение Северной Трансильвании, то во всяком случае на компенсацию этой утраты на востоке. Сколь ни велика была обида на Германию, в Европе не было в это время другой силы, на которую в Бухаресте могли рассчитывать, думая о пересмотре решений арбитража. При всем при этом и после арбитража в Будапеште продолжали воспринимать СССР как некоторый противовес германскому диктату; нормальные отношения Венгрии и СССР сохранялись вплоть до антиюгославской кампании Вермахта (апрель 1941 г.).

Зависимость Венгрии и Румынии от Германии, таким образом, усилилась; каждая из противоборствующих сторон была плотнее пристегнута к внешнеполитическому курсу Берлина, что способствовало втягиванию стран-антагонистов в войну против СССР. Гитлер и его окружение, зная о стремлении румынской политической элиты к возврату Бессарабии, старались придать любым ревизионистским настроениям строго определенный вектор, соответствующий военным целям «Третьего рейха» – не в западном, а в восточном направлении.

После Венского арбитража Германия продолжала играть в своих интересах на венгерско-румынских противоречиях, имея для этого немалые возможности. Как явствует из следственного дела маршала И. Антонеску (источника, несомненно, требующего к себе критического отношения), в ноябре 1940 г. фигурант в беседе с ним заявил, а в мае 1941 г. подтвердил, что «Венским арбитражем еще не сказано последнее слово, и этим самым дал понять, что Румыния может рассчитывать на пересмотр решения, принятого в свое время в Вене, о Трансильвании»⁵¹. В данном случае Гитлер явно блефовал. Ведь Венгрия, как и Румыния, была союзницей нацистской Германии, участие ее войск в Восточной кампании «Третьего рейха» не могло не быть оплачено приобретением новых территорий, не в последнюю очередь за счет соседней Румынии (румынские лидеры это хорошо понимали; показательно, что беседуя с Гитлером и Риббентропом, они с нескрываемым беспокойством интересовались планами подключения Венгрии к решению военных задач Вермахта). Губительное решение о вступлении в войну с СССР было принято в Бухаресте с учетом того, что Венгрия тоже вступит в войну на Восточном фронте и может оказаться в выигрышном положении, потребовав от Берлина в качестве вознаграждения новых румынских территорий – возможности Германии шантажировать своих сателлитов были в 1941 г. поистине безграничными. Если верить тем же протоколам допросов, Гитлер подчеркнул в мае 1941 г. в беседе с И. Антонеску, что Румыния не может уклониться от войны с СССР, «так как для возвращения Бессарабии и Северной Буковины она не имеет иного пути, как только воевать на стороне Германии». При этом Румынии было обещано право «оккупировать и администрировать и другие советские территории вплоть до Днепра». Право, в значительной мере реализованное в 1941–1943 гг.

Низведение Венгрии (как несколько ранее и Румынии) до положения полного сателлита «Третьего рейха» означало, что в случае войны Германии с СССР решать вопрос о конкретной функции хортистского режима в реализации планов Вермахта на восточном фронте должны были не в Будапеште, а в Берлине. И сколь бы ни были внешне безоблачными хортистско-советские отношения, базировавшиеся в 1940 г. на платформе антирумынской солидарности, ситуация могла кардинальным образом измениться в течение считанных дней. Надеюсь воспрепятствовать непосредственному участию Венгрии в войне против СССР, В. Молотов на второй день после нападения Германии попытался разыграть в диалоге с Будапештом трансильванскую карту. Вызвав посланника Криштоффи, он заявил ему 23 июня 1941 г.: если Венгрия не вступит в войну против СССР, тогда по окончании войны Советский Союз будет поддерживать венгерские требования в отношении Трансильвании⁵². Этот довольно спонтанно возникший дипломатический ход оказался, однако, безрезультатным – Венгрия сделала выбор в пользу Германии. На следующий

день после известной провокации с бомбардировкой г. Кашша (Кошице) 26 июня якобы советской авиацией венгерское правительство под давлением Гитлера объявляет войну СССР. Вступив в войну с СССР на стороне «Третьего рейха», хортисты рассчитывали в качестве вознаграждения получить содействие в восстановлении «исторической Венгрии» в ее прежних границах. Эти планы, однако, не были реализованы. Сделанный внешнеполитический выбор в пользу Германии обрек и режим Хорти, и режим Антонеску на поражение в войне, хотя Румыния, порвав с Германией 23 августа 1944 г., еще успела принять посильное участие в военных действиях на стороне антигитлеровской коалиции.

* * *

Вышеприведенный материал позволяет прийти к следующим выводам. С началом Второй мировой войны, когда открылись перспективы радикального пересмотра границ в Средней Европе, венгерская политическая элита все более четко осознавала общность устремлений СССР и Венгрии, направленных на расчленение румынского государства. Соображения реальной политики заставили хортистов на время забыть о своем непримиримом отношении к большевизму.

Советская акция по аннексии Бессарабии в июне 1940 г. создала прецедент, воспользовавшись которым, хортисты могли приступить к реализации своих собственных ирредентистских планов в отношении Румынии. Венгерский генштаб даже разработал конкретный план ввода войск в Румынию в расчете на то, что она отклонит советский ультиматум и у Венгрии появится повод вступить в войну с Румынией сразу же после начала боевых действий в Бессарабии. Переход Красной Армии через Днестр проходил на фоне безоблачных советско-венгерских отношений; официальный Будапешт в те недели всё более последовательно демонстрировал свое стремление к сближению с СССР. При этом стремление хортистов заручиться поддержкой Москвы было тем интенсивнее, поскольку в других европейских столицах (независимо от принадлежности их к тому или иному воюющему лагерю) планы Будапешта по восстановлению Великой Венгрии в ее дотрианонских границах находили мало понимания. Советская сторона, в свою очередь, не пресекала попыток к сближению, будучи заинтересованной в укреплении своего влияния в Венгрии в противовес усиливающемуся германскому влиянию в Дунайско-Карпатском регионе. В начале июля Советский Союз в ходе двусторонних контактов поддержал венгерские претензии на Трансильванию, что создало для реализации планов официального Будапешта особенно благоприятную ситуацию.

Рост популярности СССР в Венгрии явился вызовом для Германии, требовал от нее подвигек. Берлину предстояло перехватить инициативу у Москвы, сделать ответный шаг, каковым явился Второй Венский арбитраж 30 августа 1940 г., установивший в интересах нацистской Германии новый расклад сил в Дунайско-Карпатском бассейне, позволивший ей временно укрепить свои позиции в Центрально-Восточной Европе.

¹ Цит. по: История Венгрии. Т. 3. М., 1972, с. 292.

² Из более общих работ последних лет см.: *Kolontari, Attila. Hungarian-Soviet Relations, 1920-1941* (Atlantic Studies on Society in Change, № 136). Highland Lakes, New Jersey, 2010 (на венгерском языке: *Kolontári, A. Magyar-szovjet diplomáciai, politikai kapcsolatok 1920-1941. Vp., 2009*); *Seres, A. Magyar-szovjet gazdasági kapcsolatok, 1920-1941. Vp., 2010*.

³ Как справедливо отмечает венгерский исследователь, «отказ от ратификации договора со стороны венгерского правительства нельзя, конечно, приписать одному генералу фон Лампе, но он, несомненно, сделал свое дело, в решающий момент сыграв на антибольшевистских чувствах регента». – См.: *Колонтари, Аттіла. Несостоявшаяся белая ось. К вопросу о возможностях сотрудничества русской эмиграции с Венгрией // Российской белая эмиграция в Венгрии (1920–1940-е годы)*. Отв. редакторы Е. М. Варга, А. С. Стыкалин. М., 2012, с. 67.

⁴ Подробно о внешнеполитическом контексте установления двусторонних отношений см.: *Колонтари, А. Переговоры по установлению дипломатических отношений между Советским Союзом и Венгерским Королевством в 1934 году // Славяноведение. М., 2010. – № 1. – С. 19–30*. После этого между странами развивались, хотя и в очень ограниченном объеме, экономические и культурные связи. Первый полномочный представитель (полпред) СССР в Венгрии А. Бекзядян стал жертвой сталинских репрессий в 1937–1938 гг.

⁵ В Будапеште же при установлении дипломатических отношений с Москвой не упускали из виду возможность разыгрывать Бессарабскую карту при предъявлении претензий на Трансильванию.

⁶ Можно согласиться с А. Колонтари, который пишет, что «советско-венгерские отношения в последующие годы характеризовались взаимными упреками в присоединении к враждебным СССР или Венгрии комбинациям, шумными кампаниями в прессе о красной опасности, висящей над Европой, или о феодально-фашистской Венгрии, и дипломатическими протестами по этому поводу в Москве или в Будапеште» (*Колонтари, А. Переговоры по установлению дипломатических отношений между Советским Союзом и Венгерским Королевством в 1934 году*, с. 30).

⁷ Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946. Документы / Отв. редактор Т. М. Исламов. М., 2000, с. 13.

⁸ Там же, с. 23 (Из дневника Н. Шаронова. Запись по итогам беседы с Чаки 13 февраля 1940 г.).

⁹ Эти пределы были обусловлены не только принципиальной непримиримостью консервативной и отчасти праворадикальной политической элиты Венгрии к коммунистической идеологии, но и сохранявшейся линией правительства графа П. Телеки на то, чтобы не сжигать окончательно мостов к англо-франко-американской коалиции. Встречаясь с дипломатами Великобритании и Франции, тот же Чаки заверял их в неизменности антисоветского курса Венгрии. Удобным поводом для развязывания в стране массовой пропагандистской кампании антисоветской направленности стала зимой 1940 г. военная акция СССР против этнически родственной венграм Финляндии.

¹⁰ Как справедливо отмечалось в записке Наркомата иностранных дел СССР (июнь 1942 г.), «попытки Германии дальнейшего раздробления Юго-Восточной Европы, политика балканизации Юго-Восточной Европы с целью создания подвассальных Германии государств – находится в вопиющем противоречии с планами венгерского империализма, преследующими цель установления гегемонии Венгрии в Карпатском бассейне» (см.: Трансильванский вопрос, с. 173).

¹¹ В 1930-е годы поддержка Италией венгерских территориальных притязаний находилась в тесной зависимости от дипломатических игр, которые вел на международной арене режим Муссолини в целях укрепления своего великодержавного положения и сохранения хотя бы относительного равноправия в диалоге с Берлином. Важное место во внешнеполитической тактике Рима занимало установление краткосрочных союзов с некоторыми малыми и средними (как Польша) европейскими государствами, далеко не в последнюю очередь с Венгрией.

¹² Трансильванский вопрос, с. 20 (Из дневника Н. Шаронова).

¹³ Там же, с. 27.

¹⁴ Там же, с. 28.

¹⁵ Там же, с. 20–21.

¹⁶ В условиях начавшейся Второй мировой войны, 30 сентября 1939 г., попытки итальянско-югославского посредничества привели Венгрию и Румынию к обоюдному согласию отвести часть войск, сосредоточенных вдоль границы, однако через несколько месяцев все вернулось в прежнее, крайне напряженное состояние, чреватое возможностью военного конфликта.

¹⁷ Трансильванский вопрос, с. 22 (Из дневника полпреда Н. Шаронова).

¹⁸ Там же, с. 24.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же, с. 33.

²¹ Там же, с. 35.

²² Там же, с. 48. С 1 июля в ответ на объявленную в Румынии (из-за имевшихся опасений венгерского нападения) всеобщую мобилизацию начинается всеобщая мобилизация в Венгрии.

²³ Венгерское общество в целом не разделяло эйфории правящей верхушки, не только уверенной в успехе в случае конфликта с Румынией, но и провоцировавшей такой конфликт. Полпредство располагало сведениями о сильных антивоенных настроениях в Венгрии (см.: Там же, с. 41).

²⁴ Там же, с. 48.

²⁵ Там же, с. 35.

²⁶ Там же, с. 34–35. Очевидно, граф Чаки, не чуждый, подобно большинству венгерских консервативных политиков, комплекса панславистской угрозы для Венгрии, преследовал своей целью указать югославскому дипломату на нежелательность сближения его страны с СССР ввиду той опасности, которую представлял для Венгрии и всей Европы большевистский режим. Надо при этом иметь в виду, что в отличие от СССР, Югославия не могла служить Венгрии союзником в осуществлении ревизионистских планов, направленных против Румынии, речь могла идти самое большее лишь о ее нейтрализации в случае конфликта.

²⁷ Там же, с. 35.

²⁸ Так, югославский посланник в Венгрии Рашич, посетивший Шаронова 3 июля, уже после советской оккупации Бессарабии, заметил, что «весь мир следит за расширением СССР и здесь все говорят, что дальнейшее движение СССР будет в направлении к Дарданеллам» (Там же, с. 38).

²⁹ Трансильванский вопрос, с. 54, 104.

³⁰ Там же, с. 36.

³¹ Там же.

³² Там же, с. 39.

³³ Там же, с. 44–45. Криштоффи в беседе с Деканозовым также прозондировал почву, «как посмотрел бы Советский Союз, если бы такие претензии были предъявлены Венгрией Румынии». Зам. наркома предпочел уклониться от прямого ответа, спросив своего собеседника, а ставится ли этот вопрос Венгрией в настоящее время. Криштоффи ответил, что имеется в виду мирное разрешение вопроса на конференции, не уточнив, о какой конференции идет речь (Там же, с. 45).

³⁴ Телеграмма В. М. Молотова Н. И. Шаронову от 5 июля 1940 г. (Там же, с. 46).

³⁵ Там же. Хотя Криштоффи на уже упоминавшейся встрече с Деканозовым 29 июня говорил о планах мирного разрешения вопроса на международной конференции, в кругах хортистской элиты, как отмечалось, существовали и другие мнения о путях разрешения проблемы. Что касается встречи Молотова с венгерским послом 3 июля, то тогда же советская сторона дала согласие на заключение советско-венгерского торгового соглашения (подписано 3 сентября 1940 г.).

³⁶ Там же, с. 117.

³⁷ Там же, с. 48 (Из дневника Н. Шаронова).

³⁸ Там же, с. 51. **Блеф этот не был совсем бессмысленным, он достигал своих целей.** По общению Шаронова, ссылавшегося на свою беседу с турецким посланником, среди иностранных дипломатов, работавших в Будапеште, воспринимались как вполне правдоподобные слухи о том, что венгры получили в Москве некоторые «заверения» о помощи в разрешении трансильванского вопроса в свою пользу (Там же, с. 43).

³⁹ Там же, с. 58–59. **И в последующие месяцы, вплоть до поздней весны 1941 г., среди венгерской политической элиты были устойчивыми ни на чем не основанные слухи о якобы имеющихся в Москве конкретных планах перехода Красной Армией реки Прут и оккупации румынской Молдовы вплоть до Карпат.** Новое продвижение советских войск предполагалось опять-таки использовать (насколько это было возможно) в интересах дальнейшего расширения Венгрии (Там же, с. 156, 161, 163).

⁴⁰ Там же, с. 40.

⁴¹ Там же, с. 36.

⁴² В дни поездки в Мюнхен о предпочтительности мирного пути речь шла в беседах Шаронова с прогермански настроенными депутатами и журналистами (Там же, с. 47). **В те же дни посол зафиксировал в своем дневнике происходившие в дипломатических кругах разговоры о том, что Германия категорически рекомендовала Венгрии подождать с разрешением трансильванского вопроса** (Там же, с. 43).

⁴³ Там же, с. 40.

⁴⁴ Там же, с. 36.

⁴⁵ См. беседу советского полпреда со словацким посланником от 10 июля (Там же, с. 43). В дипкорпусе также высказывались не вполне обоснованные предположения о том, что Румыния сама уступит Венгрии часть **Трансильвании, на всю же Трансильванию венгры якобы и не рассчитывают** (Там же, с. 33). Что касается последней части этого утверждения, то Вёрнле действительно не уставал заверять своих иностранных собеседников, что Будапешт не требует от Румынии всей Трансильвании (Там же, с. 40).

⁴⁶ Молотов воздержался от каких-либо обещаний на этот счет, сославшись на то, что отношения СССР с Югославией недостаточно установлены (см.: Там же, с. 45).

⁴⁷ 5 июля Чаки посоветовал болгарскому посланнику «начинать», т.е. **предъявить Румынии ультимативные требования** в отношении Добруджи (Там же, с. 42). Вопрос о возвращении Болгарии Южной Добруджи, где преобладало болгарское население, был решен в сентябре 1940 г. путем переговоров. Уступчивость Румынии болгарским притязаниям (конечно же, гораздо менее значительным, нежели венгерские) заметно контрастировала с непримиримостью ее элиты в трансильванском вопросе. Н. Шаронов в донесении В. Деканозову от 17 августа писал о том раздражении, которое вызвала у венгерской политической элиты тактика Румынии: «Удовлетворив Болгарию Южной Добруджей, оставить только одного противника – Венгрию, имея в этом случае в перспективе или только один фронт, или новую затяжку в разрешении конфликта до окончания войны на Западе» (Там же, с. 59–60).

⁴⁸ Там же, с. 54.

⁴⁹ Там же, с. 37 (Из дневника Н. Шаронова). **Все-таки, коль скоро инициатива в советско-германском соперничестве принадлежала Германии, венгерские политические наблюдатели были готовы до известной степени признать оборонительный характер некоторых действий СССР.** Как говорил Шаронову югославский посланник Рашич, оккупация Советским Союзом Северной Буковины «трактруется как в венгерских, так и в дипломатических кругах, как приготовление СССР к защите против Германии» (Там же, с. 38).

⁵⁰ Там же, с. 60.

⁵¹ См.: Протоколы допросов бывших руководителей Румынии маршала Иона Антонеску и Михая Антонеску (Из Центрального архива ФСБ России) / Предисловие А. С. Стыкалина // Великая Отечественная война. 1941 год. М., 2011, с. 661–692.

⁵² *Fülöp, Mihály: A királyi Románia és Erdély, 1944-1947 // História. Bp., 1994. – № 2. – 29. old.*